

КРОКОДИЛ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ "ПРАВДА"

ГОД ИЗДАНИЯ XVII

К 556/38г.

САМУРАЙСКИЕ МУХИ

Влипли!

Рис. К. Ротова

Б Е Д Н Ы Й Д Я Д Я

Тут к одному жильцу с нашего дома приехал погостить один суб'ект. Его родственник. Кажется, дядя с маминной стороны. Или что-то в этом духе.

Во всяком случае, его у нас прописали временно. Тем более прошлое у этого дяди оказалось слепка подмоченное. Он еще при няпе схлопотал себе семь лет за какие-то неправильные действия плюс воровство и плюс еще что-то.

Но он весьма усиленно работал на стройке и довольно быстро там перековался. Причем его чем-то даже премировали. И, кажется, какой-то значок ему дали. Во всяком случае, он какую-то санитарную блямбочку носил на груди.

Так или иначе, племянник первое время весьма гордился, что у него такой дядя. И даже хлопотал, чтоб с него брали квартплату меньше чем обыкновенно. Дескать, дядя у него живет — герой строительства. Дескать, пришлось потесниться, впустить дядю. Нельзя ли, дескать, временно снизить квартирную ставку. Еще чего! Но этот номер ему не прошел. Так что пришлось даже кое-что за дядю приплатить. И это был первый удар по самолюбию племянника, который думал, что с приездом дяди у него начнется райское житье.

А дядя был по виду весьма арапистый человек. Он даром что перековался, но глаза у него сверкали как у мошенника, когда он глядел на проходящих наших расфранченных жилищ с ихними сумочками, меховыми горжетками на шейках и так далее.

Но никаких эксцессов этот дядя пока себе не позволял. Тем более, что первое время он все больше ударял по пивной.

Он там просаживал свои деньги, скопленные я уж не знаю, каким образом.

А потом, когда дядя благодаря такой сумбурной жизни профершпилился, он стал занимать у своего племянника. И это был второй удар по гордым замыслам нашего квартиранта, у которого дядя в короткое время «забодал» не меньше ста рублей.

В общем наш племянник пришел в ужас от поведения своего дяди. И он так ему сказал:

— Ах, дядя, лучше вы катитесь отсюда к чорту на рога, если вы намерены продолжать в том же духе. Я имею скромную должность кладовщика, и я не могу поспевать за вашими интересами.

Узнав, что племянник — кладовщик и благодаря этой своей должности караулит кое-что ценное, как то: нитки, пуговицы, катушки и так далее, — дядя развеселился и пришел в хорошее настроение.

Уж я не знаю, каким образом, но он воздействовал на неустойчивую психику своего племянника. И подбил его украсть из склада некоторое количество товара, с тем чтоб они продали это и доход поделили пополам.

И племянник, этот кристально честный до сего времени служащий, взял, по наущению своего дяди, десять grossов разных катушек и отдал их своему дяде, с тем чтоб тот все это где-нибудь продал.

При этом племянник так сказал своему дяде:

— Только продавайте, дядя, с осторожностью. А то если вы засыпаетесь, то мне благодаря вас влепят не меньше пяти лет.

Дядя окончательно развеселился и сквозь смех так ответил своему племяннику:

— В этом деле я, по крайней мере, окончил университет. Я не могу себе представить, что я с этой работой попадуся. Конечно, я не был в городе десять лет и теперь на все гляжу не без удивления. Я тут вижу, например, что игорных клубов у вас уже нету. У вас негде одним махом выиграть деньги

и устроить себе сказочную жизнь. У вас, по-моему, нельзя даже придумать какую-нибудь выгодную комбинацию. Все вокруг как с ума сошли, работают: колот, рубят, носят, пишут и так далее. И в этом смысле я, действительно, вижу у вас, у городских, перелом в настроении. Но что касается ниток, то нитки я при любом надзоре продам и не попадуся.

Короче говоря, дядя взял нитки и зашел их продать в магазин.

Он отозвал заведующего в сторонку и так ему сказал:

— Могу продать нитки по дешевой цене. Если хотите, — купите. Если нет, — не кричите и хай не подымайте, поскольку вы от этого ничего не выиграете.

Заведующий говорит:

— Добре. Пройдите сюда и тут маленько посидите, пока я отсчитаю вам деньги.

Бедный дядя сделал два шага, и тут заведующий грубо пихнул его в уборную и закрыл за ним дверь.

Бедный дядя кричал и вопил в своем заключении и даже там хотел повеситься на цепочке, но прибывшая милиция освободила его и велела ему рассказать, что с ним.

И дядя, находясь в полном обалдении, все сразу рассказал и даже сам удивился, с чего бы это он так разоткровенничался.

Милиционер прямо чуть не упал от смеха, когда дядя сказал, что он при своем опыте попался в первом же магазине.

Милиционер сказал:

— По-моему, вы не учли перемену в нашей жизни за эти десять лет.

Дядя говорит:

— Нет, я учел, но только я не понял умственное настроение заведующего. Ну на что он, собака, рассчитывал, когда он меня пихнул в уборную? Что он хотел — выслужиться? Или он скорей всего побоялся купить нитки, чтоб самому не зашиться? Вот тут я что-то, действительно, не понимаю. Но моя мысль склоняется к тому, что тут был страх. И это я не учел.

Заведующий говорит:

— Напротив, с моей стороны это был нормальный гражданский акт.

Дядя говорит:

— Ах, лучше бы я пошел на рынок продать эти нитки! Наверно, там, на рынке, еще есть у вас частная мысль, и, наверно, там я бы не попался, как дурак.

Заведующий говорит:

— С твоей устаревшей техникой ты бы и на рынке попался в первые пять минут.

Милиционер говорит:

— Ну, довольно дискуссировать, пойдем, я тебя представлю куда следует.

Дядя попрощался с заведующим и отбыл вместе с милиционером.

Воображаем, в какой панике сейчас его племянник.

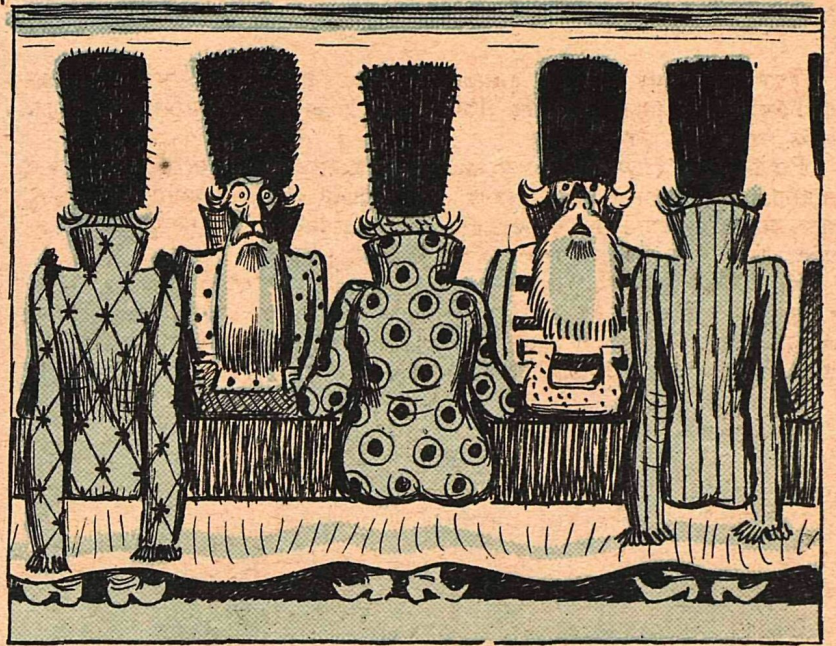
М. ЗОЩЕНКО

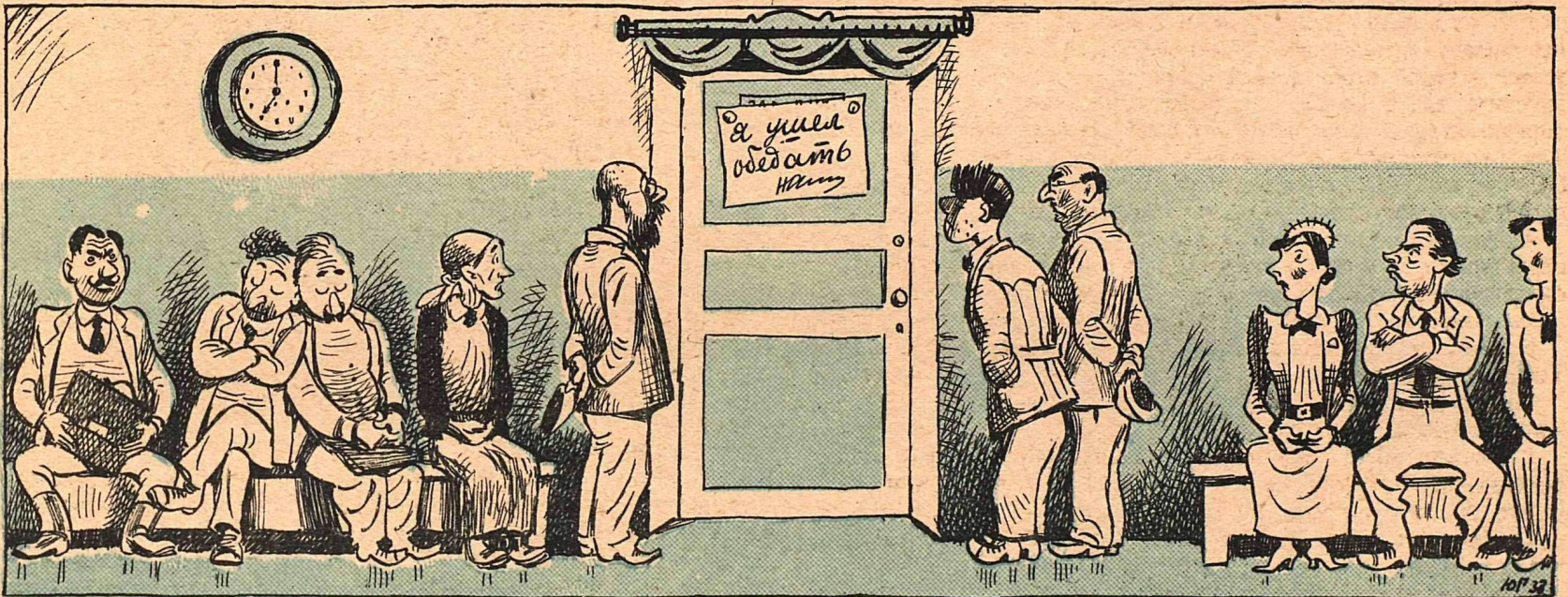
Иллюстрации Л. Бродаты

Древний римлянин Лукулл любил закатывать длительные, обильные, так называемые лукулловские обеды, которые продолжались от 4 до 6 часов.

Однако думные бояре легко переплюнули вышеуказанного Лукулла и сидели за обедом не менее 8—9 часов.

Но абсолютными чемпионами длительных обедов все же оказались некоторые директора, которые уходят обедать с утра и возвращаются на следующий день к... ужину.

НОЧЛЕЖНИКИ ПОНЕВОЛЕ

Один раз в пятидневку значительная часть партийного актива Славянска ночует в приемной секретаря райкома.

Среди этих ночлежников можно встретить секретарей первичных организаций, партторгов, профсоюзных работников, хозяйственников, кооператоров, пожарников, учителей, руководителей советских организаций, заведующих детскими яслями, судебных работников.

Короче говоря, на это своеобразное «ночное» всякий раз скапливается человек шестьдесят—семьдесят. Лежат они вповалку на диване, дремлют на стульях или, обессиленные, может быть, даже валяются на полу.

Потом, под утро, часа в четыре или в пять, открывается дверь, появляется технический секретарь райкома, который спокойным голосом произносит столь знакомую в Славянске фразу:

— До вашего вопроса сегодня не дойдем. Идите домой. Приходите на следующее заседание бюро.

Секретарь Славянского райкома партии тов. Попов любит работать на широкую ногу. На каждое заседание бюро намечается повестка в 40—50—60 вопросов.

Часам к пяти утра сонное бюро с трудом доползает до четырнадцатого или пятнадцатого вопроса. Все остальное переносится на следующее заседание. И так далее, и так далее.

Часто бывает, что член партии ждет разрешения своего дела в течение нескольких месяцев. Каждую пятидневку его вызывают на бюро. Он ночует в приемной секретаря. И чуть забрезжит луч денницы, его отсылают домой:

— Ваш вопрос откладывается.

Недавно местный коммунист тов. Покровенко ощутил в душе

своей несказанную радость. Дело в том, что тов. Покровенко был когда-то объявлен выговором. Несколько месяцев назад первичная организация сняла выговор с Покровенко.

Это постановление должно быть утверждено райкомом. И вот начал Покровенко ходить на «ночное» к Попову. Но повестка заседаний бюро так широка и обильна, что до Покровенко никак очередь не доходит.

Обрадовался же Покровенко вот чему: на 19 апреля было назначено заседание бюро, на повестке дня которого было всего двадцать вопросов. Это — невиданное событие в Славянске: всего двадцать вопросов!

Правда, вопросы все важные: о практике проведения партсобраний, о состоянии городской пожарной охраны, утверждение секретарей парткомов, о весеннем севе, о яслях и даже «о мероприятиях по борьбе с растратчиками».

А девятнадцатым вопросом значилось:

«Прием в кандидаты партии, выдача партдокументов, утверждение актов проверки партдокументов, снятие партвызысканий».

По пункту № 19 было вызвано двадцать коммунистов, в том числе и Покровенко. Не одну ночь провели они здесь, в приемной секретаря. Думали, что это уже последняя ночь.

Но ровно в пять утра их попросили вместе с пожарниками (пункт № 15), заведующими яслями (пункт № 14) и всеми, имеющими отношение к пунктам №№ 16, 17, 18, 20, «прийти на следующее заседание».

Напрасно радовался Покровенко: еще долго ему ночевать в приемной Попова. Еще долго ходить ему с выговором.

Г. РЫКЛИН

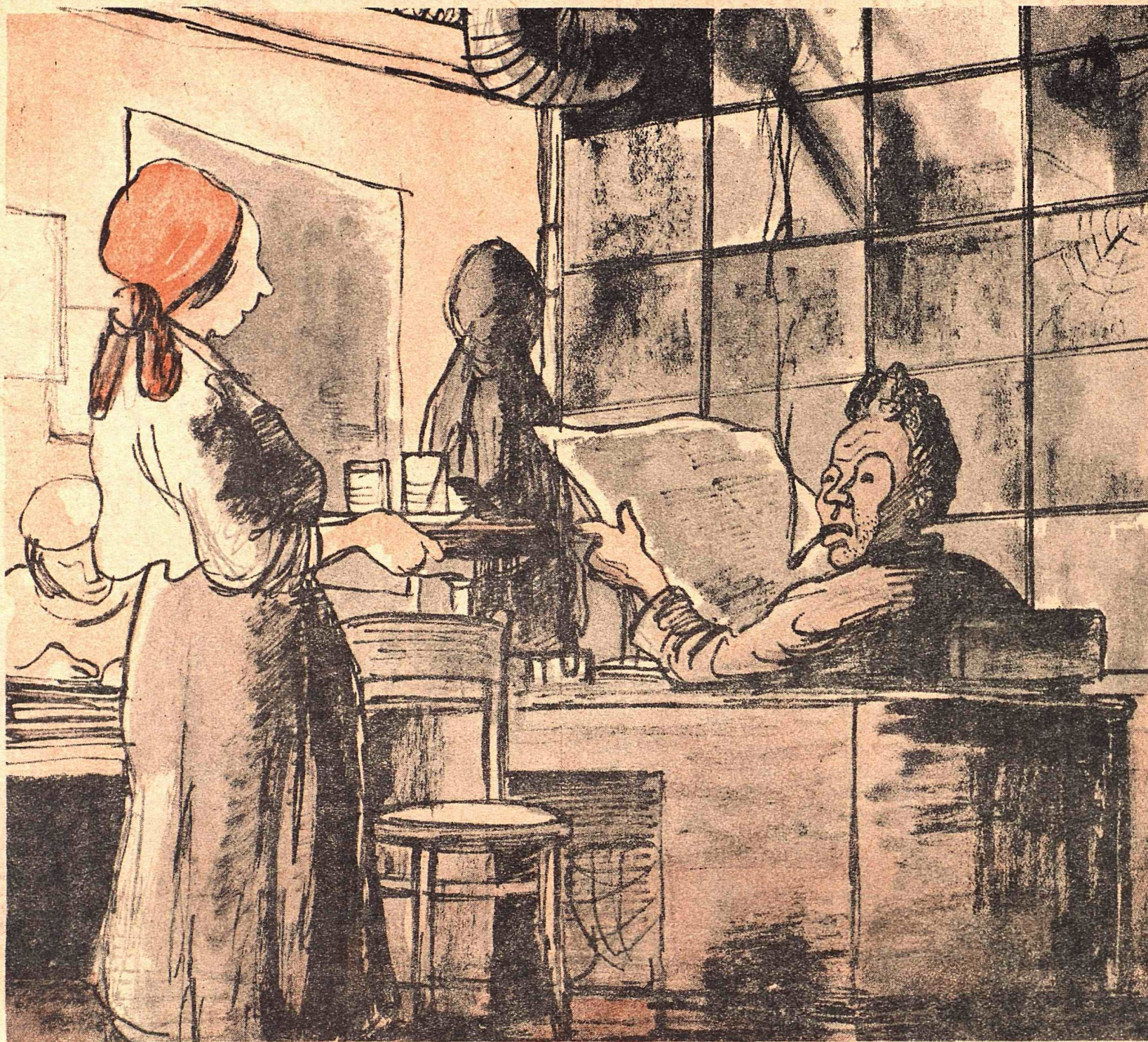

Рис. Л. Бродаты

ТОЛЬКО И СВЕТУ ЧТО В ОКНЕ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЗАВКОМА:— Почему не протираете стекла? Не видно, что делается в цехах!.. Приходится вставать и специально выходить!

ЛОВКОСТЬ ЛАП

(Б А С Н Я)

Подчас со скидочкой мы судим
Произведения творцов,
Певцов, художников, чтецов.
Вредна такая скидка людям.
Есть много фактов на виду...
А впрочем, к басне перейду.

Корова вылезла на сцену
И затынула громко: М-му!..
Она узнать хотела цену
Таланту своему.
— Коль честно отзыв дать суровый,
— Навек поссорисься с коровой, —

Лиса, сидевшая в-жюри,
В раздумье ухо почесала,
Пробормотала:
— Чорт дер!..
И осторожно написала:
«По мнению
Компетентных лиц,
Сня корова как певица.
Не из породы певчих птиц
И вообще она не птица.
Но мы, — добавила лисица, —
Ей сделать скидочку должны
На трудность взятой ею ноты,

На незаконченность работы...
Должны быть скидочки даны
На объективные условия,
На самолюбие коровье,
И на возможность малокровья
Ввиду неважного здоровья,
И... на дыхание весны.
Утя в решении своем,
Что петь в таких условиях сложно,
Жюри считает, что возможно
Признать корову соловьем». —
Отсюда следует мораль:
Лисиц в жюри не выбирай!

В. МОГОЛЬ

Опытный пассажир

Поезд шел с опозданием.

В купе мягкого вагона двое на нижних местах нервничали. — Безобразия! — барабанил пальцами по оконному стеклу рыжебородый в жилетке. — Без-зо-бразие! Молоко на таких поездах возить, а не пассажиров. Без-зо-бра-зие!..

— Мало их штрафуют, — мрачно сказал другой, бритоголовый, в тубетейке, — я бы машиниста за это опоздание на месячный оклад оштрафовал.

Третий пассажир спал на верхней полке. Четвертый, свесив с полки большой нос, заметил:

— Дело тут, граждане, конечно, не в одном только машинисте. Продвижение поезда основано, как бы сказать, на теснейшей связи между машинистом, дежурным по станции, диспетчером.

— Но, позвольте, причем же тут, я не понимаю, диспетчер и дежурный по станции? — возразил пассажир в тубетейке. — На паровозе — машинист, а мы находимся в пути...

— Промывка и экипировка паровоза — раз, длина прогона — два, профиль пути, автосцепка, график — три, четыре, пять! — отрезал пассажир с верхней полки.

После паузы пассажир в тубетейке продолжал:

— И проводники у нас в вагоне тоже, я тебе скажу... Ни разу купе не подмели. Умывальник без воды...

— Да, — сказал верхний, — если бак худой, то умывайся, не умывайся, — все равно вода выльется!

Авторитетным тоном он также разъяснил, что до Харькова еще далеко. Там обычно производят саносмотр вагонов. Поэтому оба проводника и не торопятся. «Вот, Белгород проедем, тогда они, конечно, приступят к уборке».

Это был очень опытный пассажир, бывалый, искушенный.

Говорил он густым, как смола, басом, подмигивал, весело морщил свой большой, «ледокольного типа» нос.

— Знакомый мой Барабошкин, Аким Петрович, — повествовал он, обращаясь с верхней полки к двум своим нижним собеседникам, — бывало, как поедет в командировку, так уж обязательно берет с собой две подушки, одеяло. И вот такой, представьте вы себе, эпизод. Взял он одеяло, подушки, чайник. А в вагоне занавески, коврики, постельное белье на всех койках, самовар кипит в нише. Все удобства. После этого опять Аким Петрович куда-то поехал, но уже не берет с собой ни чайника, ни подушек. Ну вот, а в вагоне, оказывается, ни занавесок, ни ковриков. Постель хотя и была, но для троих, в том числе и для моего Барабошкина, комплекта так и не хватило... Теперь, конечно, он немного перестроился. Одеяло, правда, берет с собой, но только лишь пикейное. А подушку резиновую — все-таки подушечка! Портфель под головой — куда хуже. Кстати, представьте вы себе, и такой эпи...

Бритоголовый пассажир в тубетейке не дал ему договорить. Хлопнув себя по ляжкам, пассажир в тубетейке восторженно воскликнул:

— Послушайте, но почему бы вам не пойти на транспорт, у вас такой опыт, такой опыт?... Все, все вы знаете!

— Да, я все знаю, — ответил опытный пассажир. — Между прочим...

— Нет, нет, не отказывайтесь! Ведь у вас такой замечательный опыт, такой опыт...

— Между прочим, я...

— Но почему же?!

— ...я уже двадцать семь лет на транспорте!

Л. МИТНИЦКИЙ

О Ч Е Н Ь П Р О С Т О

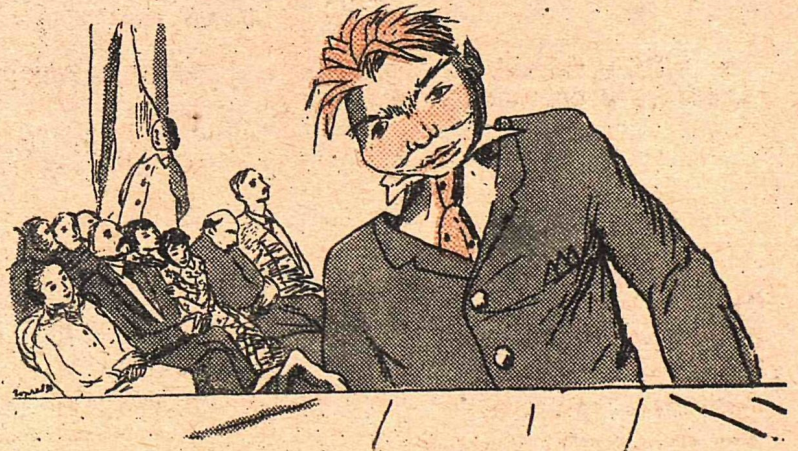
— Скажите, пожалуйста, как вы запоминаете песни этого композитора?

— Очень просто: я запоминаю, у кого они украдены.

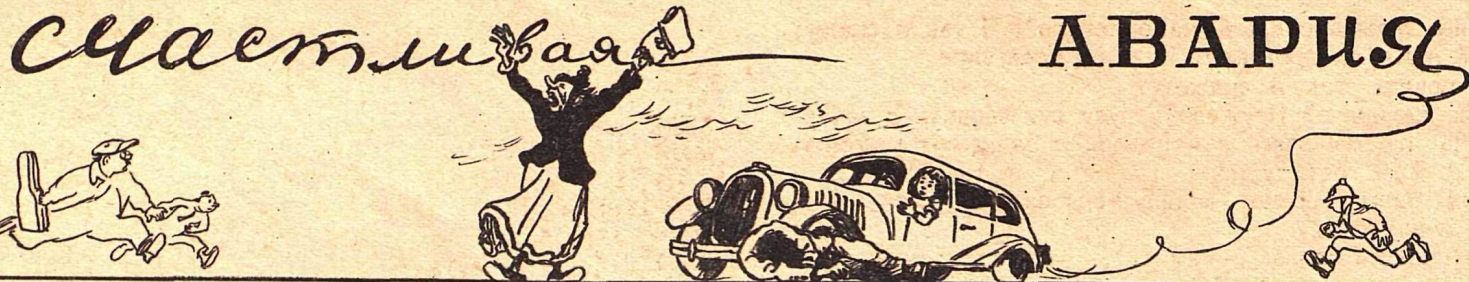
Шарж В. Горяева

Народный поэт Казахстана Джамбул. 75 лет слагает песни. Ни разу не требовал отпусков, литературных командировок и переиздания ранних четверостиший, чем вызывает недоумение некоторых братьев-писателей, обладающих значительно меньшим стажем и неумеренным аппетитом при умеренных талантах.

Шарж В. Горяева

Его левая рука всегда знает, что делает правая, и наоборот. Короче говоря, на все руки мастер. Еще короче говоря, лауреат всесоюзного и международного конкурсов музыкантов-исполнителей орденосеца Эмиль Гилельс.

До этого дня Люба Пронина, шофер автобазы Райпищеторга, не имела ни одного нарушения суровых правил уличного движения. Правда, злые языки говорили, что этому способствовали не в малой мере ее, Любы, серые глаза, которыми она удивительно наивно и ласково умела смотреть на милиционеров в тот момент, когда они, подымая руку к шлему, подходили к шоферской кабине со словами:

— Товарищ шофер, правила вам известны?

— Я извиняюсь, товарищ начальник, — робко говорила в таких случаях Люба, — но только этого знака вчера здесь еще не было. Вчера еще можно было делать поворот...

И при этом Люба смотрела так мило и приятно, что милиционер, непременно вздохнув, говорил:

— Давайте проедем, товарищ шофер. А в будущем давайте не нарушать.

И все это кончилось самым ужасным образом. В половине шестого вечера Люба на своей «эмочке» выезжала из Рахмановского переулка на Петровку, давши предварительно сигнал еще в Рахмановском переулке. И тем не менее на Петровке радиатором машины был сшиблен неизвестный гражданин в короткой драповой курточке и черных брюках. На вид ему было лет 25.

Гражданин упал с легким криком. Люба затормозила. Вокруг, как водится, немедленно собралась толпа. Особенно усердствовала пожилая гражданка в старомодной шляпе с вылинявшими цветами. Она не только прибежала одна из первых, но криками созывала проходивших.

— Убили! Задавили! Держите меня! Я сейчас в обморок упаду!! — вопила она.

Когда подошел милиционер, гражданин, попавший под автомобиль, не совсем уверенными движениями поднялся и стоял, опершись о правое крыло. У Любы катились из глаз слезы. Но никаких звуков, даже всхлипываний, она себе не позволяла.

Вслушав сбивчивый рассказ окружающих, милиционер обратился к Любе:

— Товарищ шофер, ваши права?

Драгоценный документ исчез в кармане милиционера, после чего милиционер обратился к пострадавшему:

— В помощи нуждаетесь? В лечении?

Потерпевший отрицательно покачал головой. Он сказал:

— Нет. Я хорошо себя чувствую. Я, пожалуй, пойду по делам...

— Какие такие могут быть дела?! — завизжала особа в шляпке. — Вы поглядите, что у вас со штанами сделалось. Это не штаны, а серпантин... конфетти какое-то!..

Молодой человек оглядел себя и обнаружил, что действительно правая штанина у него разорвана снизу до самого бедра, причем разорвана в виде причудливой бахромы. Он стыдливо схватился за бахрому, а милиционер вынул записную книжку.

— Какой будет ваш адрес, гражданин? — спросил милиционер.

Потерпевший ответил:

— Ленивка, дом 17, квартира 3, Макаров, Василий Васильевич.

(Этот ответ Люба запомнила мгновенно и на всю жизнь).

— В таком случае давайте разойдемся, товарищи, — резюмировал милиционер. — Товарищ шофер, давайте проедем...

— Как то есть проедем?! — опять закричала пожилая особа. — А может быть, я еще желаю шофера срамить?! И потом запишите мой адрес. Я желаю быть свидетельницей.

Ответа милиционера Люба не слышала: тихим ходом она поехала прямо в автобазу Райпищеторга.

Любе было тоскливо в безделии дожидаться суда: от работы ее временно отстранили, а к ответу не вызвали. Грустная приходила она в родную автобазу, сидела в красном уголке и под невнятное бормотание громкоговорителя думала о своей «аварии». Что нужно было делать, она решительно не знала.

И вдруг веселый и разбитной шофер Григорьев подал ей мысль:

— Чего тебе, Любаша, все киснуть? Адрес ты этого субчика знаешь, который тебе под машину подсунулся?

— Ленивка 17, квартира 3, Макаров, — автоматически ответила Люба.

— Ну вот, сходила бы к нему. Может, уговоришь его рассказать, как вправду было дело...

Люба колебалась весь день, а к вечеру отправилась на Ленивку. Кто-то открыл ей дверь в квартире № 3 дома 17 и в полутьме указал на комнату Макаровых. Люба постучала.

— Кто там? — послышался старушечий голос. — Входите!

Приятного вида старушка беседовала с двумя гостями, вероятно супружеской парой. Увидев Любу, она сказала:

— Вы к Васеньке? Он сейчас придет. В гастроном выбежал кой-чего купить... Ишь, какая хорошенькая... И где только Вася с такими знакомится? Посидите. — И обратившись к гостям, старуха продолжала рассказ: — Да. Можете себе представить, идет мой Васенька по Петровке и акурат, голубчик мой, одел лучшие свои брюки. Знаете, еще мирного времени штучный товар. Покойный Василий Николаевич их 15 лет носил, а потом Васе перешли. Да. Идет он, значит, по Петровке, и вдруг какая-то стерва, откуда ни возьмись, насккивает на него всеми четырьмя колесьями да еще и прицепом.

— Я пойду лучше, — дрогнувшим голосом сказала Люба.

— Куда вы? Вася сейчас вернется. Посидите, послушайте, какие на свете бывают мерзавки... Да. Я ничего не знаю, сижу дома, вдруг открывается дверь и вносит...

— Кого вносят? — хрипло спросила Люба. — Он сам пошел. Ногами.

Старушка замахала руками:

— Господь с вами, разве я говорю: вно-сят? Я говорю: вно-сит. Вася свои брюки вносит. Ну, прямо, будто кто из них лапшу резал!..

Чета гостей сочувственно зачмокала, и в это время открылась дверь. С пакетом в руках вошел Василий Васильевич Макаров, потерпевший гражданин 25 лет.

— Васенька, а тут к тебе знакомая гражданочка пришла. Уж мы подружились.

Вася с недоумением посмотрел на Любу.

— У меня к вам дело есть, гражданин Макаров, — поспешно сказала Люба. — Может быть, мы с вами выйдем?

В коридоре Люба начала:

— Вы меня не узнаете?

— Что-то нет.

— А это я вас тогда... на Петровке... давила...

— Батюшки!.. Совсем из головы вон!

— У вас из головы вон, — сказала Люба, и у нее дрогнул голос, — а меня от работы отстранили... и судить будут.

Люба смахнула слезу.

— Не может быть?! — А вас-то уже допрашивали как пострадавшего?

— Нет еще. Получил повестку явиться в милицию послезавтра в 10 часов утра.

— Ну вот, вы про меня наговорите, и засудят меня.

— Что вы, гражданочка! С какой стати?! Я так и скажу: кроме брюк никто не пострадал. И то по моей вине.

— Нет, правда, так и скажете?

— А как же иначе? Неужели я буду суд вводить в заблуждение?.. Да что мы здесь в коридоре?.. Зайдемте в комнату, закусим. Там гости у нас.

— Ну их! Ваша мамаша им про меня сказала, что я мерзавка... Я лучше пойду.

Макаров широко развел руками:

— Куда вы пойдете? Зачем? Ну, если не хотите к нам в гости, то пойдите в кино, а? В «Ударнике» идет «Катерина».

— А когда начало сеанса? — нерешительно спросила Люба. — Если недолго ждать, то можно сходить на «Катерину».

Через несколько дней после описанного визита в кремлевском саду сидели на скамейке, выражаясь языком официальных документов, водительница легковой машины № МЗ 2735 гражданка Пронина и сшибленный незадолго до этого указанной машиной гражданин Макаров. Сшибленный гражданин держал в своей руке руку водительницы машины, причем означенная водительница говорила:

— А я как вспомню, как я тебя задавила, каждый раз под ложечкой начинает сосать. А тебе тоже неприятно небось?

— Нет, нет, — говорил сшибленный гражданин, глядя на звезды, мерцавшие сквозь голые еще деревья кремлевского сада, — мне, наоборот, приятно вспоминать, как ты на меня наехала, и мы через это познакомились.

Тут брови у Васи сдвинулись, и он добавил:

— Одно, конечно, есть неприятное...

— Ты про что? Про брюки, наверное?

— При чем здесь брюки?.. Я думаю, если бы ты не меня сшибла, а еще кого-нибудь, то тоже могла познакомиться и...

Шофер машины № МЗ 2735 поцеловал в щеку сшибленного гражданина и сказал:

— Вот дурашка ты!.. И откуда в тебе столько ревности?..

— Слушается дело по обвинению шофера Прониной, Л. П., в неосторожной езде, — объявил народный судья. — Гражданка Пронина здесь?

— Здесь, — смущенно отозвалась Люба.

— Так. Гражданин Макаров здесь?

— Тут.

— Так. Гражданка Кочеврягина тут?

— Вот она я, — произнес скрипучий голос, и к судейскому столу подошла пожилая гражданка в шляпе с вылинявшими цветами.

Судья сказал:

— Граждане Макаров и Кочеврягина, покиньте зал судебного заседания. — А вы, гражданка, подойдите поближе. Как ваша фамилия?

— Макарова, — твердо ответила Люба.

Судья поднял голову от дела. Он спросил:

— Позвольте, Макаров — это тот гражданин, которого вы сшибли. А вы шофер?

— Шофер.

— Значит, ваша фамилия — Пронина?

— Была Пронина, а теперь Макарова. По мужу.

— Ничего не понимаю... Вы что же, своего мужа подшибли в порядке семейной склоки?

— Нет. Я не подшибла в порядке склоки, а я вышла замуж в порядке подшибания...

— Что, что? Что вы говорите?.. Граждане, прекратите смех!.. А вы расскажите суду, как было дело.

— Вы про аварию спрашиваете или про замужество?

— Все рассказывайте!

— ...Именем Российской советской федеративной социалистической республики, — стоя читал судья, — народный суд Дзержинского района 15-го участка города Москвы в составе народного судьи... и народных заседателей... постановил дело прекратить. Приговор может быть обжалован в десятидневный срок в московский городской суд.

— Позвольте! — воскликнула гражданка Кочеврягина. — А как же я?! Я же сама видела: кровь хлынула горлом у бедного молодого человека. Я буду жалова...

— Гражданка, прекратите шум! Слушается дело по обвинению гражданина Цаплина, П. С., в краже двух кипятильников в горячем состоянии...

В. АРДОВ

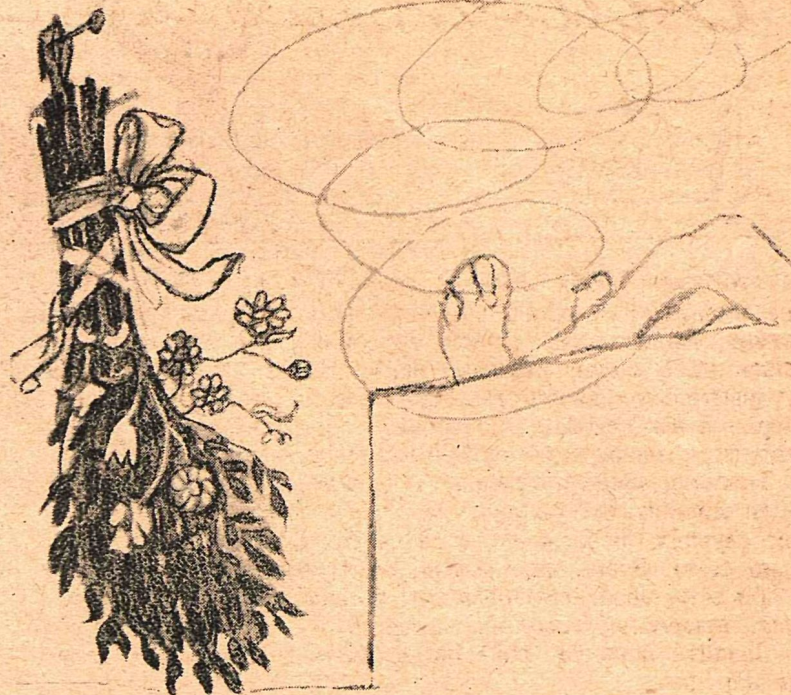

Рис. М. Черемных

ГОЛЫЙ ПОДХАЛИМАЖ

— Разве я столько цветов в веник вплести приказывал?! С минуту на минуту Кузьма Кузьмич париться придут...

Неважные родители

Л Ж Е Н

Рис. К. Ротова

Весеннее утро. В нежноголубом небе дирижаблями, парусными лодками, резиновыми верблюдами медленно плывут облака. Тепло. Под окнами шумят дети, чирикают воробьи. Откуда-то издали сквозь лязг железа, трамвайный звон и рев автомобильных сирен доносится отчетливое, победоносное цвиение петуха.

Семиклассник Дима Матлосов всю ночь сочинял стихи, а на рассвете зачеркнул все, что сочинил за ночь, и написал в своем дневнике: «Сегодня окончательно убедился, что из меня не выйдет поэта. Я неталантливый. Надо отдать себе в этом полный отчет. И вообще я посредственный человек: плаваю неважно, в волейбол играю неважно, рисую неважно, на коньках немножко лучше, а остальное все так себе. Буду себя закалять физически».

Теперь Дима крепко спал в столовой на клеенчатом диване, укрывшись с головой, наружу торчала розоватая пятка. Мать Димы, маленькая брюнетка в сиреновом халате, сшитом из мохнатых простынь, неслышно, чтоб не разбудить мальчика, накрывала на стол. Сегодня выходной и все будут завтракать вместе: мать, отец и сын. Отец в полосатой пижаме и в шлепанцах на босу ногу стоял у зеркала в ванной комнате и брился.

Дима шумно перевернулся на другой бок, из-под подушки на пол упала тетрадь.

Марья Михайловна давно догадывалась, что сын ее что-то пишет. Но что? Аллах его ведает. Дима никогда с ней об этом не говорил.

Она быстро подняла тетрадь и исчезла из комнаты.

— Степа,— сказала она таинственно мужу, войдя в ванную,— хочешь я тебе кое-что прочту?

— Ну-ну,— безразлично заметил Степан Александрович,— только не вертись под руку.

Он в это время, зажимая нижнюю губу, тщательно выбривал подбородок.

Марья Михайловна уселась на бельевую корзину и вслух прочла последнюю запись из димина дневника.

— Бедный мальчик,— сказала она вздохнув,— из него не выйдет поэта.

— И слабогу,— буркнул Степан Александрович, не выпуская изо рта нижней губы.

— Но зато какой он у нас правдивый,— восхитилась Марья Михайловна.— Во всем признается: «и плаваю неважно и рисую неважно». Милый, правдивый мальчик, как это хорошо...

Затем Марья Михайловна продолжала молча читать димин дневник и вдруг пронзительно вскрикнула, словно кто-то ее укусил, незаметно подкравшись к ней сзади.

— Ей богу, Муся, я из-за тебя порежусь,— сердито сказал Степан Александрович и отложил в сторонку бритву.— Ну, что там еще?

— Ужас! Сплошной ужас! Он нас грязью обливает!— испуганно вытаращив глаза, объяснила Муся.

Степан Александрович терпеть не мог всяческие скандалы: семейные, трамвайные, служебные. Недовольно крякнув, он подсел к жене и вместе с ней стал читать димин дневник.

— Читай отсюда,— и Марья Михайловна ткнула пальчиком в главу, которая называлась «Мои родители».

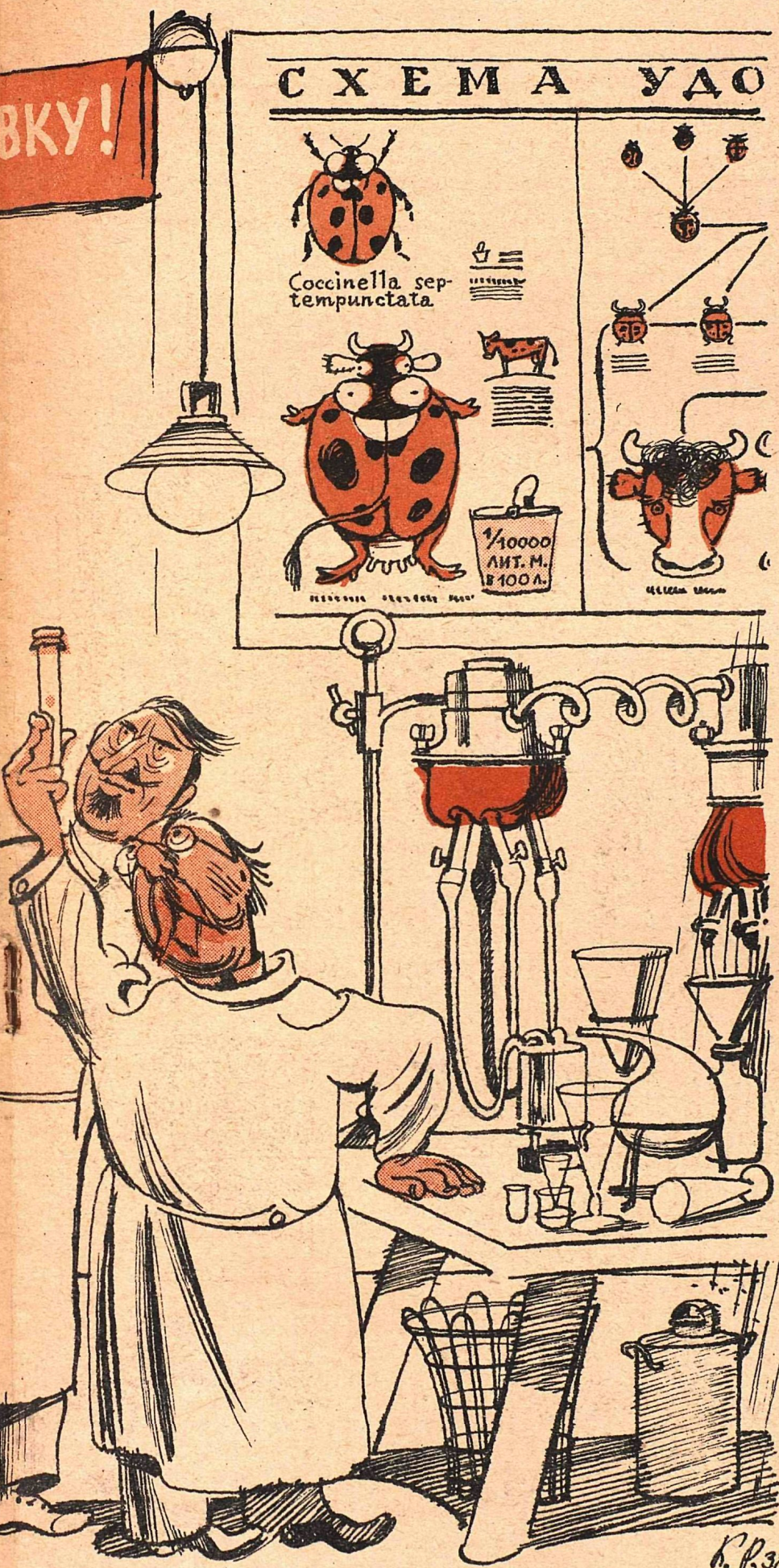
Вот что там было написано:

«Родители у меня неважные. Папа — неплохой человек, но шляпа и обыватель. Он когда-то принимал участие в гражданской войне, от этого остались одна шапка — висит у него над кроватью — и какие-то неправдоподобные рассказы, которые он начинает рассказывать и никогда не кончает, так как никому неинтересно их дослушивать до конца. Папа — порядочный хвостун. И он и мама очень любят высказываться перед другими. Папу жалко. Маму тоже. Они часто ругаются. Я тогда затыкаю уши и ухожу. При гостях они нарочно вежливы и даже целуются в губы, что очень противно. Меня они все считают ребенком, хвастаются моими отметками. Когда я получаю «отлично», мне им на зло хочется сказать, что получил «плохо». Мне им вообще хочется делать все на зло. Я знаю: это нехорошо с моей стороны, но ничего с собой

— Ура! Не даром пятнадцать лет проработали. Божья коровка!
— Но ведь очень мало.
— Разумеется!.. Но теперь мы поставили новую пробку!

я коровка стала давать молоко.

лему: довести рост божьей коровки до роста коровы.

не могу поделаться. И папа и мама жадные. Все им кажется, что их обкрадывают: и молочница, и домработница, и старьевщики. А я сам видел, как раз старьевщик нечаянно уронил на пол рубль, мама незаметно закрыла его калошей, а только старьевщик ушел, она хватить рубль — и в карман. Они всегда всех ругают. Даже о самых хороших своих знакомых говорят гадости. Угощают чаем, вареньем, а как те уйдут, сразу начинают говорить гадости. Папа — трус и подхалим. Я как-то заходил к нему на службу и видел, как он лебезил перед своим начальником, — противно было смотреть. Дома он совсем не такой. Ого! Как он разговаривает с домработницей Нюрой или с лифтершей. Важничает. Фыркает. Я слышал, как он сказал маме: «Мы ни у кого не будем бывать, и пусть у нас никто не бывает». Папа, кроме газеты, ничего не читает. А ведь он учился в университете, это он не хвастается. Я сам видел его диплом. Больше всего мама и папа любят хорошо покушать...»

Последняя фраза особенно возмутила Степана Александровича.

— Негодяй! — вскрикнул он по адресу сына. — Я с ним сейчас поговорю. Я его...

Родители направились к Диме. Он только проснулся.

— Эй, ты! — крикнул прубо Степан Александрович. — Ты писал? — спросил он, потрясая тетрадью.

Дима все понял. Вначале он очень обиделся: как они смеют без спроса читать его сокровенное.

— Это твой дневник? — повторил отец дрожащим голосом.

Мама умоляющими глазами смотрела на Диму.

И до того они оба — одна в халате, сшитом из мохнатых простынь, другой в полосатой пижаме — были жалки! Дима молчал.

— Что же ты молчишь, Димочка? Если это не твой, так скажи. Не бойся, — просила Марья Михайловна.

— Не мой, — резко ответил Дима. — Это дневник Кольки Щеглова.

— Так это не твой, — облегченно произнес отец. — А я уж хотел с тобой ругаться, старик, — добавил он фамильярно. — Однако, хороши родители у этого Кольки!

— Что уж говорить — неважные, — согласился Дима, не глядя на папу и на маму.

Б. ЛЕВИН

РАСТРАТА С НЕОЖИДАННЫМ КОНЦОМ

Дрожа и озираясь, он стоял перед начальником:

— Ну, что вы разволновались, голубчик? Сядьте, воды выпейте... — ласково говорил начальник. — Ну, растратили, ну, украли там пару тысяч. Ну, и хорошо! Могли же больше растратить...

— Оно, конечно, мог... Не успел только...

— Ну вот и отлично, что не успели... Видите, как все хорошо, а вы волнуетесь.

— Но я же растратчик. Меня теперь судить будут...

— Что вы, что вы! Так уж сразу и судить. Деньги государственные, не наши с вами, ну и бог с ними... Вычтем постепенно...

— То есть как?

— Да уж так. Но вы не огорчайтесь, мы понемногу, незаметно вычитать будем... И еще, вы уж меня, милый, простите, придется вам выговор объявить в приказе с последним предупреждением. Знаете, чтобы не подавать дурного примера... Вы уж извините...

— Ну, нет, знаете, с последним я несогласен. Нет, нет и не просите!

— Ну нет, так нет. С простым об'явим. Хорошо?

— С простым можно. Пользуйтесь моей добротой.

И они разошлись. Мирно. Тихо, благополучно. Без криков и судебных процессов. И преступник остался работать.

Тут мы замечаем ироническую улыбку на устах читателя. Не верит читатель. Он возмущенно хмурит брови и восклицает: «Это же ложь! Не может быть! Где это покрывают растратчиков? Да такого начальника самого надо судить!».

Где? В Макеевке. Вот две выдержки из приказа по Макеевскому горздравотделу:

«...За главврачом Н. Бутовской амбулатории т. РАШЕВСКИМ на 9/III — 38 г. числится не сданных подотчетных сумм Рб. 2283 — 38 к. Означенная сумма является растратой, т. к. при ревизии ни наличных денег, ни оправдательных документов не предъявлено.

«...За произведенные финансово-бюджетные нарушения и растрату государственных средств на личные нужды, глав. врачу Н. Бутовской амбулатории т. Рашевскому объявляю строгий выговор с предупреждением».

И подпись: Завгорздравотделом Омельченко.

Ну, где ваша недоверчивая улыбка, читатель? Убедились? То-то!

Странности судьбы

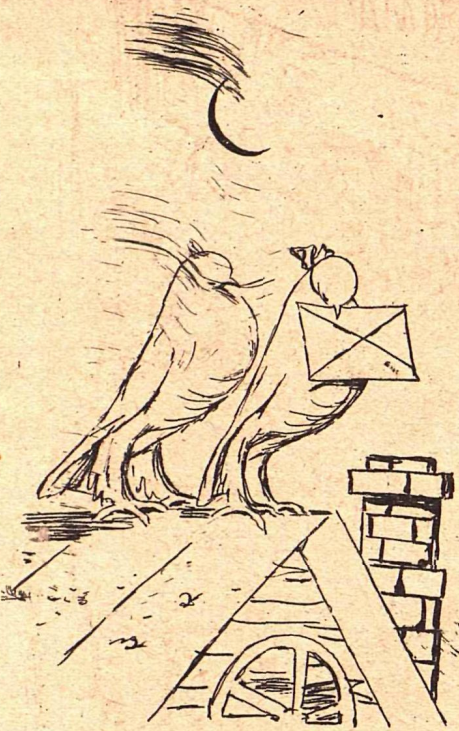

Рис. Л. Соифертиса

ДОЛГ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Такое небо яркоголубое,
Что просто невозможно голубей...
На крыше, рядом с каменной трубою,
Воркует нежно пара голубей.
— Напрасно, милая, ты дуешь губки.
Я не могу, возьми ты это в толк,
Такое время посвящать голубке,
Когда к работе призывает долг.
Голубка умоляет: «Ах, постой!»
Но он молчит, взлететь уже готовый.

.....
Она была голубкою простой,
А он был голубем почтовым!

МИХ. КОССОВСКИЙ

ДОВОДИМ ДО СВЕДЕНИЯ

«КИНОГЕРОИ»

Группа ленинабадских ответственных работников опоздала на киносеанс. По их настоянию администрация ленинабадского звукового кинотеатра начала снова демонстрацию картины. Всех протестовавших начальник городской милиции Бобо Садыков сам выводил из зала. Об этом писал Крокодил в № 3. За злоупотребление властью Ленинабадский горком партии объявил Бобо Садыкову строгий выговор. Кроме того Бобо Садыков привлечен к административной ответственности.

«НЕКОМСОМОЛЬСКИЙ ПОСТУПОК»

Комсомолка Еремина отказалась выйти замуж за комсомольца Сасова. Этот поступок послужил предметом обсуждения комсомольского комитета Молчановской МТС. Комитет вынес решение, утвержденное райкомом комсомола: «Отказ расписаться в загсе с Сасовым считать некомсомольским поступком. Дать строгий выговор с предупреждением».

По заметке Крокодила, Сталинградский обком комсомола принял меры к отмене этого головотяпского решения. Секретарю райкома комсомола предложено разъяснить комсомольцам ошибочность принятого ими решения. Райком комсомола отменил вынесенный Ереминой выговор.

«САМОДУР В ШКОЛЕ»

Директор Лучковской неполной средней школы Панченко (Уссурийская область) называл учеников бандитами, дезертирами и жуликами. По заметке нашего читателя, Панченко приказом заведующего облинаробразом снят с работы как не обеспечивший коммунистического воспитания детей.

«ТРАФАРЕТНАЯ БДИТЕЛЬНОСТЬ»

Управляющий курским областным отделом КОГИЗ Малонин разослал всем райкомам партии циркулярное письмо, в котором просит райкомы сообщить мнение «о возможном политическом доверии заведующим раймагазинами». По заметке, опубликованной в Крокодиле, выяснилось, что Малонин вообще плохо работал. Обнаружены факты бесхозяйственности. В связи с этим Малонин от работы в качестве управляющего отделением освобожден.

— Данилюк,— позвала секретарша,— пройдите!..

Молодой инженер, только что рассказывавший о том, как хочется ему заняться научной работой и, в частности, эксплуатацией установок, поднялся и страдальчески посмотрел на ожидающих своей очереди выпускников.

— Меня,— сказал он.— Я пойду.

В кабинете начальника отдела кадров было тихо и страшно. Сам начальник, довольно добродушный, лысоватый мужчина, сидел за столом перед пачкой стандартных направлений.

— Данилюк, Сергей Антонович? — спросил он.

— Да. Я, товарищ Бурцев, хотел бы...

— Простите, меня ждут еще 42 человека. Связист?

— Да... Но я по склонности...

— Товарищ, вы не у врача. Кончили в этом году?

— Да.

— Пожалуйста. Поедете к Черному морю. Строить линию. Чудесное место. Загар. Ракушки.

— Но я в лабораторию, на исследовательскую работу хочу.

— Нет мест! До свиданья. Поздравляю!

И Данилюк отправился к Черному морю.

Данилюк ехал в поезде Севастополь — Москва и думал о том, как странно и даже смешно складываются человеческие судьбы. Всего два месяца назад он прибыл на место работы, но застал последние доделки. Строительство заканчивалось. Как он обрадовался тогда. Наконец-то можно было заняться любимым делом, попасть хотя бы на эксплуатацию линии. Но главный инженер прочитал его путевку и решил, что молодой инженер — специалист только по строительству. И теперь Данилюк возвращался в распоряжение отдела кадров.

Он нервно прикусил папиросу и полез за спичками. Коробка куда-то закатилась. Данилюк встал, подошел к двери соседнего купе и вежливо постучал.

— Простите, у вас нет спичек? — спросил он у пожилого мужчины, радушно открывшего дверь.

— Спички? Как же, как же, пожалуйста. Да вы заходите, не стесняйтесь. Нарзанчику выпейте. Жара. Скука. Побеседуем.

— Благодарю! — Данилюк присел на край скамейки и закурил.

Лицо соседа, а особенно лысоватый череп и одна длинная прядь, заменявшая прическу, показались ему знакомыми. Конечно же, это был грозный Бурцев, сам начальник отдела кадров. Он, очевидно, не узнал Данилюка и радовался возможности скоротать время.

— Ну, как вам юг? А солнце? Вы знаете, я в доме отдыха перезагорел весь наш флигель.

— Да, загар у вас приятный,— согласился Данилюк.— Ничем не мазались?

— Что вы, просто с утра до вечера жарился. Прямо негром стал — жена не узнает.

— Действительно, узнать, наверно, трудно. Значит, отдыхали?

— Отдыхал, отдыхал. Да вы пейте нарзан. Простите, как вас по имени, отчеству?

— Сергей Антонович. А вас?

— Василий Михайлович.

— Курите, Василий Михайлович? Пожалуйста.

— «Казбек»! Мой любимый сорт. Вот спасибо. А я, поверите ли, три часа мучаюсь. Спички взял, а папиросы забыл. Вы мне прямо как с неба свалились.

Василий Михайлович закурил и, утонув в облаках голубого дыма, окончательно размяк. Он рассказал Данилюку о жене, о том, что дочка поступила в школу, о каких-то своих похождениях в доме отдыха и даже дал ему пощупать мускулы, которые, как он уверял, стали «форменный гранит».

Как бы незначай Данилюк обмолвился о том, что он связист, имеет интересные научные работы и хотел бы устроиться в научно-исследовательский институт.

Василий Михайлович прямо расцвел, услышав об этом.

— Дорогуша! Да вы же попали в самую точку. Я, и только я, могу вам это устроить. Мне позарез нужны такие люди. Ах ты, как удачно все вышло!

— Ну что вы! Вам неудобно. Я бы не хотел затруднять вас.

— Затруднять? Да я буду счастлив. Да, да, я счастлив быть полезным такому симпатичному молодому человеку.

— Но я недавно кончил учиться.

— Не скромничайте. В центральный институт хотите? Ага, заблестели глазки, вижу, что хотите. Будет вам институт. Да о чем говорить? Сейчас сделаем. Личная записка даже лучше.

Василий Михайлович набросал в блокноте несколько строк и, протянув Данилюку, сказал:

— Отдадите директору и через пять дней будете работать.

— Дорогой Василий Михайлович, я просто не нахожу слов, я теряюсь.

— Бросьте, не стоит благодарности. Пейте нарзан — и будем в расчете...

Потом они играли в шахматы, вместе выходили пить кофе на узловой станции и расстались только поздно вечером.

Выходя из гостеприимного купе Василия Михайловича, Данилюк думал о странных поворотах человеческой судьбы. Он думал о том, что удача подчас приходит неожиданно и без всяких причин.

Если бы он обернулся, он увидел бы на столике, у изголовья Василия Михайловича, главную причину. Он увидел бы самую обыкновенную папиросу марки «Казбек».

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

Всем товарищам Смирновым

Не говоря о тезках новых,
В родной деревне у меня
Живет четырнадцать Смирновых —
Моя родня и неродня.

А школа сельская!..
И снова
В уме проходят ярче снов
Сперва Смирнов,
Потом Смирнова,
Потом еще один Смирнов.

И где, скажите, нет Смирновых?
Они в полях, они в садах,
В лесах сосновых, несосновых,
Во всех союзных городах.

Они заведуют цехами,
Рисуют, пашут и куют...
И занимаются стихами,
И даже арии поют...

Но летом памятного года
Я из газеты узнаю,
Что сукин сын и враг народа
Носил фамилию мою.

Губитель дел и жизни новых,
Смирнов — развенчанный судом —
Ее, фамилию Смирновых,
Покрыв позором и стыдом.

Я это чувствовал не просто:
Я замыслил, не утаю,
Из-за подобного прохвоста
Менять фамилию мою.

Но предо мной возникли снова —
Они возникли ярче снов —
Сперва Смирнов,
Потом Смирнова,
Потом еще один Смирнов.

Возник за ними постепенно
Мой дед, когда-то полный сил,
Который гордо и степенно
Мою фамилию носил.

Который жил да избы ставил,
А помер сам в худой избе
И только светлые оставил
Воспоминанья о себе.

И моментально стало ясно,
Чего сперва не мог понять:
Что я хотел совсем напрасно
Мою фамилию менять.

И всеми силами своими
Клянусь — на будущие дни
Хранить фамилию во имя
Моей родни и неродни,
Во имя вас —
Во имя новых,
Хранищих родину, как дом,
Во имя армии Смирновых,
Живущих правильным трудом!

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

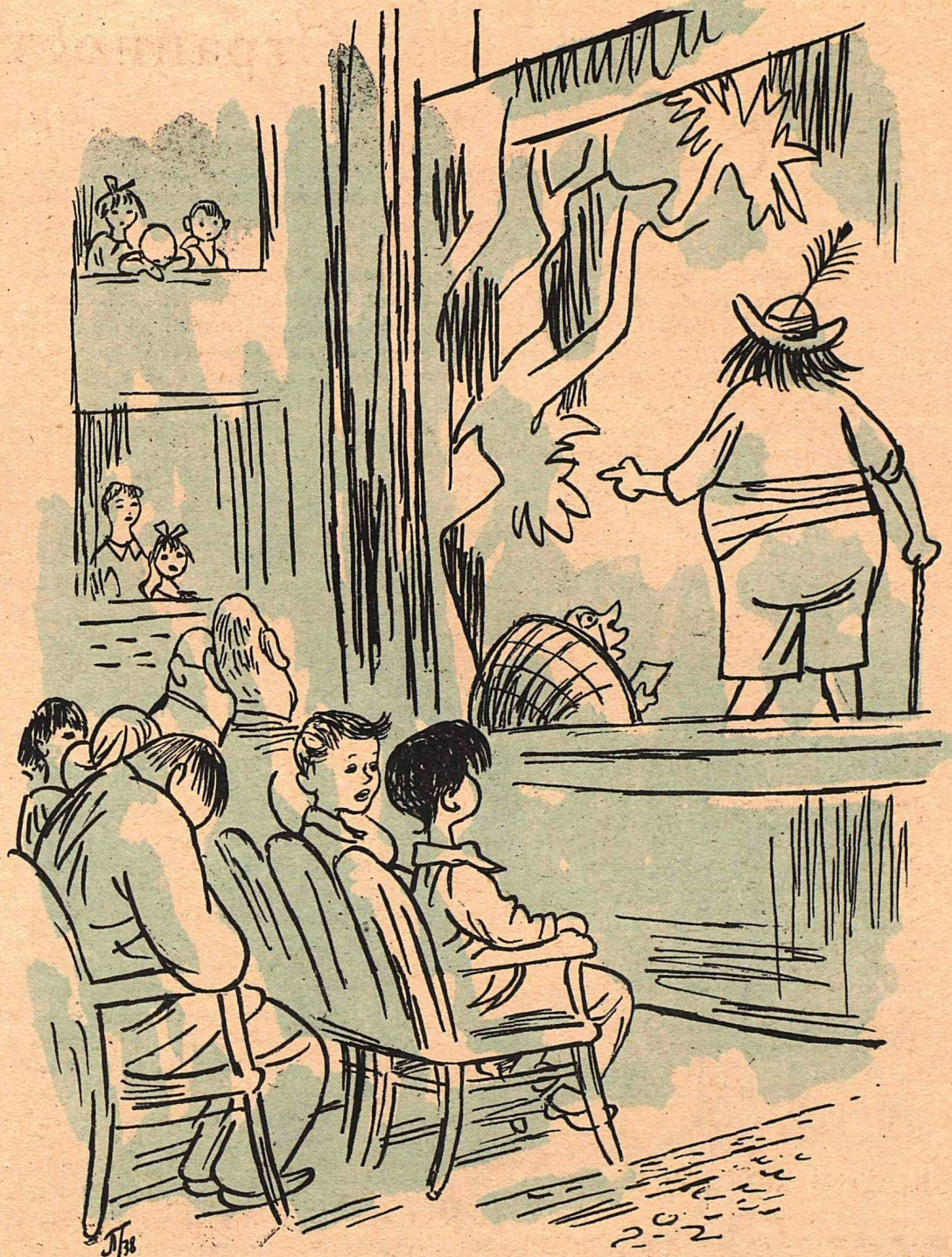

Рис. Л. Генча

ЭКЗАМЕНАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

— Как громко подсказывает суфлер!
— Да. Нечистая работа...

Радость

В кабинете председателя райисполкома сидели только что приехавшие столичные киноработники. Один из них говорил председателю:

— Мы долго выбирали для нашей картины подходящий город и решили, что лучше вашего города нам не найти.

Председатель самодовольно улыбнулся, фыркнул:

— Что ж. Я думаю: город у нас как город, конечно.

Завонил телефон. Председатель снял трубку:

— Слушаю! А, Петро!.. Ну, брат, поздравляю! Увековечат тебя. Приехали товарищи из центрального кино. Снимать будут наш город. Лучше, говорят, города чем наш не нашли.

Лучшего! Ты что, оглох? Потом, потом. Дай с центральными товарищами договориться.

Повесил трубку, пояснил:

— Коммухозом у нас заворачивает. Обрадовался тоже. Не может, говорит, быть... Сейчас на президиуме расскажет.

— Так вот, товарищ председатель, — продолжал киноработник, — лучшего города чем ваш не нашли. Дело в том, что мы ставим фильм из дореволюционной действительности. Нам надо, чтобы грязь, лужи, развалившиеся дома были. А это у вас все в избытке имеется. Так вот...

Председатель, не мигая, посмотрел на говорившего и удивленно наклонил голову.

В. ТОБОЛЯКОВ

ВЕСНА, ЛЕТО!..

Не подходит

Уклеикин восхищенно замер... Дача, помеченная № 93 по Угрюмой улице, полностью отвечала его самым строгим требованиям: веранда, где вечером можно всей семьей пить чай, ветвистое дерево, под которым после работы приятно почитать газету, почти городского типа уборная с покатою крышей..

Подобно большинству горожан Уклеикин к концу зимы забывал все дачные невзгоды и помнил только квартирные. Ему не терпелось стать дачником.

«Только не больше тысячи», — с дрожью подумал Уклеикин и неуверенно постучал.

После повторного стука у открытой форточки возле двери показался крупный, жирный мужчина в подтяжках. Ковыряя спичкой в зубах, он небрежно спросил:

— Что надо?

— Можно осмотреть дачу?

На вопрос Уклеикина владелец дачи ответил вопросом:

— Где работаете?

— В Союзпружине, — ответил Уклеикин несколько удивленно.

— Сколько получаете?

— 475 рублей.

— Персональная машина?

— Только у директора.

— Семья?

— Жена, двое детей и теща.

— Не подходите!

И прежде чем растерявшийся Уклеикин понял, в чем дело, владелец дачи резко хлопнул форточку и исчез.

Рис. А. Радакова

В ЗООПАРКЕ

ЛЬВИЦА: — Ах, как я волнуюсь, как волнуюсь перед открытием летнего сезона!

ЛЕВ: — В чем дело?

ЛЬВИЦА: — За зиму у меня цвет лица совершенно испортился!

А. ГОХМАН

Короткие рассказы

Механически

Председатель райисполкома переправил СССР на РСФСР и, не перечитывая, утвердил «Смету по обслуживанию избирательных участков во время выборов в Верховный Совет».

— Ну, вот и дело в шляпе! — сказал председатель.

— Надо бы просмотреть, Семен Семеныч, — сказал секретарь.

— А чего просматривать?

— Все-таки. С такой сметой в избирательном участке и пяти минут не высидишь.

— Почему не высидишь?

— Задохнешься, Семен Семеныч. Жарко будет.

И указал на пункт третий: «Дрова... 2 кубометра» для отопления участка.

— Хм!.. Хм!.. Это, пожалуй, да, да...

И красным карандашом вычеркнул дрова.

Несчастный случай

Секретарь областной газеты, разбирая почту, наткнулся на стихотворение, прочитал его, зевнул и сказал:

— Ну, и мур! Корову с зарей рифмует. Что это за тип?

Прочитав фамилию поэта, секретарь забормотал:

— Табакеркин. Товарищ Табакеркин. Наш председатель исполкома.

Рысдой побежал к редактору и доложил.

Редактор просмотрел стихотворение и сказал:

— Ай да Иван Давыдович! Надо пустить. И в рамочке.

Пустили. В рамочке. Секретарь сообщил редактору:

— Двадцать экземпляров послали в исполком.

— Ну, я сейчас поздравлю его по телефону.

И спросил у вошедшего посетителя:

— Вам что, товарищ?

— Да я насчет стихов. Вы сегодня мои стихи напечатали. Псевдоним у меня — Табакеркин.

— Да вы кто? — дрогнувшим голосом спросил секретарь.

— Водопроводчики мы. Семен Бочкин. А подписался Табакеркиным.

— Водопроводчик Бочкин! — развел руки редактор. — Что же вы псевдонимы-то ответственные хватаете?! Безобразие какое! Да еще корову с зарей рифмует. Срам, гражданин Бочкин, срам!

В. ТОБОЛЯКОВ

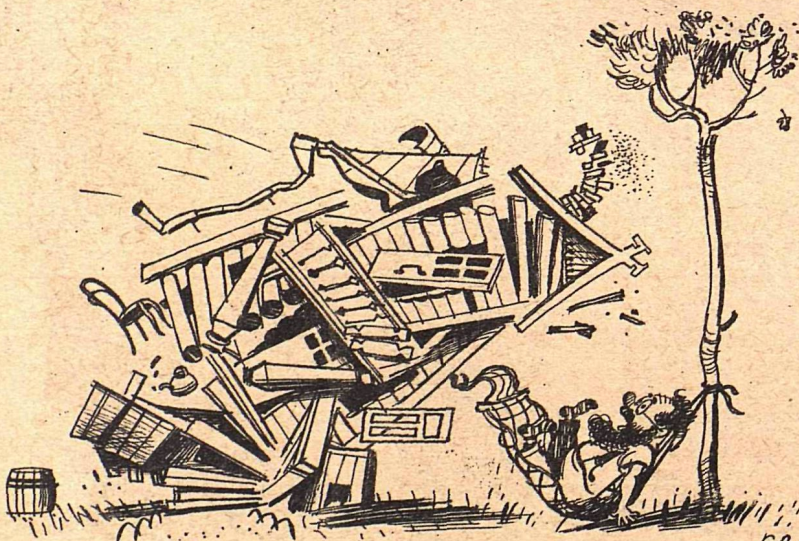
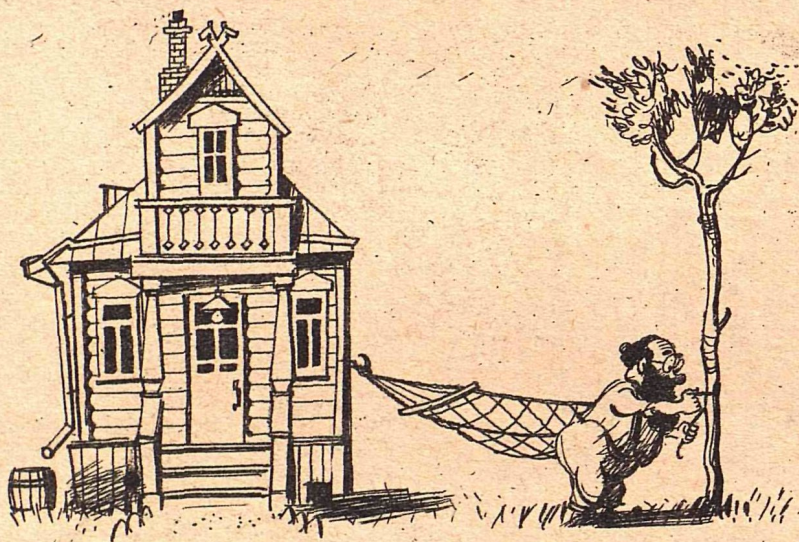

Рис. К. Ротова

СОПРОТИВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

У меня персональная машина. Получил я ее от Лазаря Моисеевича Кагановича. Но водить эту машину я почти разучился: у нас в Макеевке не успеешь сесть за руль, как машина вышла из строя благодаря безобразному состоянию дорог. Работники городского совета задумчиво глядят из окон совета на ямы и выбоины и высказываются в том смысле, что ямы и выбоины подлежат ведению дорожного отдела. А работники дорожного отдела отказываются от выбоин в пользу горсовета.

Можно на худой конец держать машину в гараже, а ездить трамваем, но у нас в Макеевке все предусмотрено: трамваи для езды приспособлены мало, они часто сходят с рельсов, у переездов вагоны стоят по полчаса.

Это письмо рассматривай как материал для будущей избирательной кампании во время выборов в Макеевский совет трудящихся.

Обермастер доменного цеха завода имени Кирова орденосолец

ИВАН КОРОБОВ

Товарищ Крокодил!

В марте этого года в Лондоне вышла двумя изданиями моя книга о советской экспедиции на Северный полюс «На вершине мира». В ближайшее время она выйдет в США, Чехословакии, Голландии, Дании, Исландии, Литве, Латвии и Болгарии.

Читателям, которые интересуются этой иностранной книгой, я должен сказать, что переводить ее на русский язык нет надобности, так как

я советский автор и книгу, естественно, написал на русском языке. В октябре прошлого года я сдал рукопись в Детиздат, ГИХЛ и одновременно Литературному агентству для отправки рукописи за границу. Что же получилось? В десяти странах за рубежом книга (полностью или частично) вышла. В двух советских издательствах она маринуется в течение семи месяцев.

И теперь у меня одна надежда: может быть, эту книгу переведут в серии «Новинки иностранной литературы».

Л. БРОНТМАН

Москва.

Дорогой Крокодил!

Позволь предложить тебе задачи школьного характера.

Задача первая. Программы по весенним испытаниям для школ должны быть построены по единым государственным программам, утвержденным Наркомпросом. Но и этих государственных программ явно не хватает даже в московских школах. В методическом кабинете МосгорОНО длинная очередь учителей, переписывающих программы с того экземпляра, который в горОНО хранится как реликвия. Спрашивается: сколько дней будет продолжаться эта переписочная кампания, если каждому учителю нужно полчаса на то, чтобы переписать одну программу?

Задача вторая. В школе надо выработать и утвердить по этим программам 43 своих конкретных программы испытаний. Их нужно размножить в количестве около 6 тысяч экземпляров. Спрашивается: на сколько могут запоздать экзамены при условии, что

полиграфические возможности отдельной школы колеблются от нуля до двух пишущих машинок?

Е. ГОЛЕНКОВА,
директор 123-й средней школы.

Москва.

Уважаемый Крокодил!

Недавно в наш районный комитет партии пришло следующее отношение на бланке Калининского обкома ВКП(б):

«Просим срочно сообщить в отдел пропаганды и агитации обкома ВКП(б) фамилию, имя и отчество НА зав. культпропом РК и зав. парткабинетами предприятий и штатных пропагандистов.

Зав. зав. отделом пропаганды и агитации обкома ВКП(б) — ПУГО».

Я настолько потрясен блестящим знанием людей работ-

никами обкома и вниманием к партийным кадрам со стороны тов. Пуго, что не решаюсь отвечать ему сам и прибегаю к твоей помощи.

Прошу тебя сообщить тов. Пуго, что Дмитрий Михайлович Ревков уже 11 месяцев заведует культпропотделом райкома, а Николай Михайлович Малинин 10 месяцев заведует партийным кабинетом. Оба товарища проходили месячные курсы при обкоме и не раз бывали в отделе агитации и пропаганды. Вместе с ними на совещаниях в обкоме присутствовал Владимир Иванович Кулаев, еще 1½ года назад утвержденный обкомом в должности штатного пропагандиста.

С приветом

С. ДОРОЧЕНКОВ,

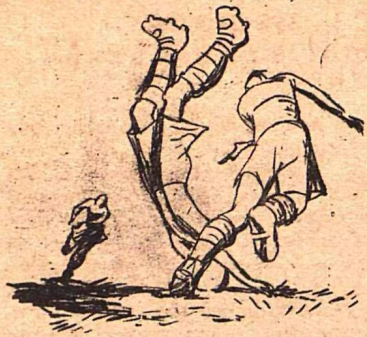
секретарь райкома ВКП(б)
Погорелое Городище.

Рис. л. Генча

ЗАБОТА О ПАССАЖИРЕ

— Опять надписи не разглядели. Ишь, как бегут за водой!
— Буквы мелковаты! Сегодня же сделайте крупную надпись: «Воды нет!»

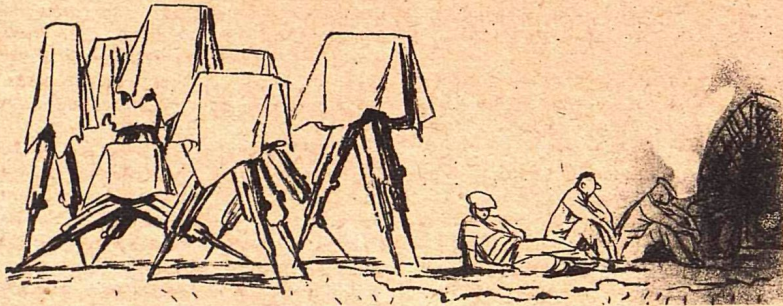

Счет открыт

(Праздник московских футболистов
6 мая 1938 года)

Если весна холодная, дождливая и неприветливая, то это может чувствоваться на всех улицах и площадях колоссального города, за исключением стадионов. Какой может быть дождь или ветер, когда Степанов пасует Семенову, а Семенов точным, «пушечным» ударом направляет мяч в ворота противника?

Футбольный сезон открыт. На поле парад футболистов.

Парад принимают 30 тысяч «болельщиков» со стажем от 1 года до 30 лет. Перед зрителями любимые мастера и зеленая футбольная молодежь. Мастера со всем стадионом «на ты». У них даже как будто не существует фамилий: Андрей, Володька, Колька, Сеня — так считают вышедшую команду опытные зрители.

«Локомотив» и «Металлург». Обе команды одеты в красные майки и белые трусы. Нелепо выпустить на поле почти одинаково одетых противников, но опытных зрителей это обстоятельство не смущает. По каким-то совершенно неуловимым признакам зрители безошибочно называют своих любимцев.

— Сеньке Лешку не обвести!

— А много стоит твой Лешка? Он прошлый год стоял за правого хава. Плохо стоял.

— Ничего. Все равно ваши припрухнут.

Спросить у соседа, что значит «плохо стоял» или как перевести «ваши припрухнут», — это значит навлечь на себя нескрываемое презрение и вызвать примерно такое замечание:

— Эх, серость! И такому билет достался, а настоящий «болельщик» дома сидит!

«Металлург» выиграл у «Локомотива» со счетом 3:1.

Наступает самое интересное, самое захватывающее: «Спартак» — «Динамо». Едва мастера обеих команд вышли на поле, — зрители уже хозяйственно подсчитали:

— Серезки нету, Акимыч не играет, Леута — запасной.

«Спартак» и «Динамо» — старые соперники. Они ревнуют московскую публику друг к другу. В наступившей тишине тридцать тысяч «болельщиков» начали нетерпеливо ерзать на своих скамьях, переживать волнующие перипетии встречи знаменитых команд.

И вдруг эту торжественную тишину нарушает голос репродуктора:

— Гражданка Порфирьева, Анна Николаевна, ваш сын Юра

нашелся, он ожидает вас в павильоне.

В публике заволновались:

— Безобразия! Так увлеклась, что ребенка потеряла.

— Она, наверно, сейчас бежит за сыном.

— Ну, уж это извините... До черерыва не уйдет. Сын цел, а здесь одиннадцатиметровка может быть.

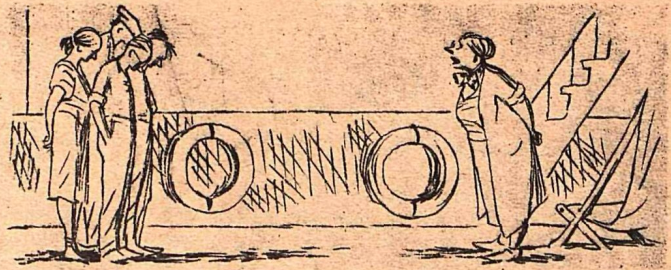
Игра становится все острее. «Спартак» нажимают («визят на воротах»). Дружный рев и аплодисменты возвещают открытие сезона и счета. Мяч в воротах «Динамо» («Одна штука сидит»).

«Спартак» выиграл со счетом 2:1. Но дело не в этом: сезон открыт. Любимое зрелище до самого ноября будет проходить перед глазами десятков тысяч. Впереди, кроме первенства и кубка, возможные международные встречи, острейшие переживания, — словом, полноценная футбольная жизнь.

МИХ. КОССОВСКИЙ

Рис. Л. Сойфертиса

Коварный Мостэу

Мостэу! Это громкое и необыкновенное имя звучало всюду, где готовились к путешествию.

И вот наступил день отплытия. В 9 часов утра, как того требовал Мостэу, все десять студентов были на пристани. У каждого был билет с картой, с маршрутом до пристани «Зеленый мыс», на берегу Клязьминского водохранилища. Предстояло совершить увлекательное путешествие по знаменитому каналу Волга—Москва. Предстояло увидеть прекрасное сооружение, отдохнуть в роскошной культбазе на берегу. Впрочем, если судить по памятке, которую имел каждый экскурсант, предстояло еще очень многое.

Правда, с первых же минут в чистые души студентов закралось недоверие к этой памятке. Садиться пришлось не на пристани «Островок», а в речном порту. А так как о новом месте посадки сообщили лишь тем, у кого были телефоны, пароход отошел с половиной пассажиров. Другая половина, овеваемая холодным порывом ветром, сидела под мелким дождем на пристани «Островок». К этой пристани пароход пришел только через час.

— За что же вы нас так? — спросил кто-то из пассажиров. — Разве так можно?

— Можно, — сказала товарищ Вах, — я хозяин парохода!..

— Вы? А кто вы такая?

— Я представительница Мостэу.

При упоминании этого имени все смирились. Пароход продолжал рейс. Дождь перестал. Показался шлюз № 9. Величественное сооружение заставило даже промокших забыть о мелких неприятностях посадки. На минуту забыли и о том, что вместо обещанного духового оркестра на верхней палубе надрываются лишь два баяниста. Пароход «Память Кирова» вошел в шлюз.

— Шлюзование происходит очень быстро, — объяснял в это время массовик. — Это достигнуто благодаря прекрасной механизации.

— Сорок минут стоим из-за этих головотяпов. А еще говорит — быстро, — возмутился один из путешественников. — В чем дело, почему стоим?

— Ждем, — сухо ответила Вах, — ждем другого парохода Мостэу. Вместе шлюзоваться удобнее.

У пристани «Серебряный бор» Вах ушла звонить куда-то по телефону. Второй пароход так и не подошел. Живописный берег привлек экскурсантов.

— Пока она там выясняет, сойдем, что ли, погуляем? — предложил кто-то.

— Стойте! — вмешался массовик. — Здесь выходить не положено. Мостэу не предусмотрел высадки. Займемся лучше культурным досугом. Встаньте в круг. Делайте за мной: два притопа, три прихлопа...

Отчалили через 20 минут. В шлюзе № 8 второго парохода пришлось ждать уже 1½ часа. Наконец, вышли в Химкинское водохранилище и пришвартовались к Северному порту. Это было в 6 часов вечера, в то самое время, когда пароход должен был бы находиться у этого же причала, но уже на обратном пути.

— Товарищи, — сказала Вах, — время позднее. Если ехать вперед, мы вернемся в Москву ночью. Предлагаю повернуть восвояси.

— То есть, как? — возмутились экскурсанты. — Дальше самое интересное. Канал ведь только начинается. Обязательно поедем вперед, а на обратном пути вы нас здесь высадите. Доберемся автобусом.

— Ах, так! — вскипела Вах. — Вы еще спорите. Поедем. Но никакой высадки не будет. Придете домой ночью. Я отвечаю. Я...

— ...хозяин парохода, — закончили за нее экскурсанты. — Знаем!

Когда пароход тронулся, Вадим услышал, как один из массовиков советовал капитану:

— Вы их вывезите в Клязьминское водохранилище, покажите какой-нибудь мыс позеленее и быстренько поворачивайте обратно.

Капитан, очевидно, внял мудрому совету, потому что «Зеленый мыс» почему-то оказался не на том берегу, на котором ему положено быть, судя по карте.

— Караул, — раздался удивленный возглас, — мыс не тот!

— А вам не все равно? — ответил массовик. — Трава есть. Цвет зеленый...

Треволнения прожитого дня подкосили экскурсантов. Они не стали спорить. Только один из них, уже в автобусе, по дороге из Северного порта угрюмо пробурчал:

— У. разгильдяи!

И никто не возразил ему. Канал был хорош, очень хорош, но козни Мостэу испортили настроение. Ленинградцы, специально приехавшие осмотреть канал, удивлялись расхлябанности и мелкому жульничеству Мостэу. Стойкие москвичи обещали принять меры и жаловаться. Жаловаться лично, письменно, по телефону. Жаловаться на Мостэу — на Московское туристско-экскурсионное управление ВЦСПС.

Это было 3 мая 1938 года.

Вот как бывают иногда обманчивы звучные названия и пышные рекламы!

С. МОРИС

Вместо рецензии

Пигмалион без пафоса

(„ПИГМАЛИОН“ БЕРНАРДА ШОУ В МОСКОВСКОМ ТЕАТРЕ САТИРЫ)

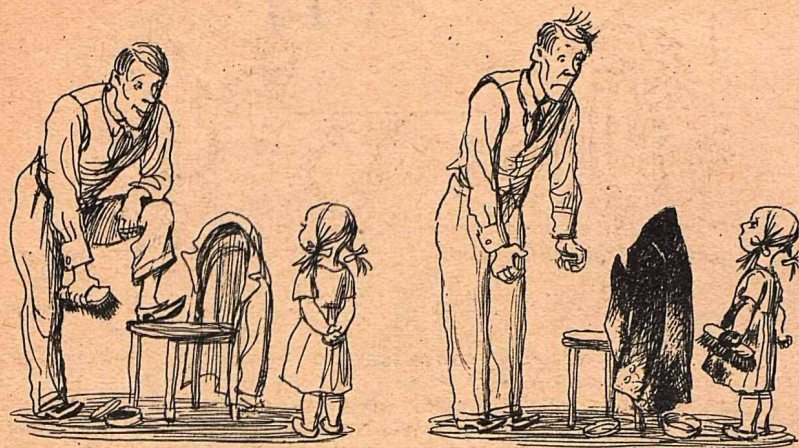

Рис. Н. Радлова

— Сонечка, я пойду умываться, а ты пока вычисти мой пиджак.

— Папочка, у меня не хватило ваксы.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

МНОГОТОЧИЕ

Краткое изложение фактов: редакция одной районной газеты обратилась в один обком партии с просьбой прислать литературного сотрудника для работы в редакции.

Из обкома был прислан форменный бланк со следующим ответом:

На работу в редакцию вашей газеты направлен тов. . . .
Немедленно сообщите нам, когда к вам прибыл т. . . .

И все. Следует подпись заместителя заведующего отделом печати обкома ВКП(б).

По методу этого заместителя заведующего отделом печати можно было бы ограничиться изложением фактов, а вместо названий и фамилий оставить точки. Но мы этого не любим и проставим все недостающее:

Районная газета — Клетнянского района, Орловской области, «Коммунистическое знамя».

Отдел печати — Орловского обкома ВКП(б).

Заместитель заведующего отделом печати обкома ВКП(б) — Медведев.

ОБЪЯСНИЛИ

Колхозник Ковалев имел неосторожность спросить у своей районной ивановской газеты «Сталинец» (Красноярский край), что такое миллиард. И вот, что ему ответили:

«Миллиард состоит из миллиона миллионов, а не из тысячи тысяч, как утверждают ваши противники».

Противники, конечно, поспешили с тысячами, но зато щедрая редакция явно перехлестнула.

На всякий случай, сообщаем товарищу Ковалеву:

Миллиард состоит из тысячи миллионов, а не из тысячи тысяч, как утверждают ваши противники, и не из миллиона миллионов, как утверждают безграмотные консультанты из вашей районной газеты.

ЧИСТОЕ РАЗОРЕНИЕ

Вы взяли у кого-либо займы десять рублей, но не платите (извините, за предположение!). И вот кредитор передает дело на разрешение в суд. Каково же может быть решение?

Если судом является иркутский областной государственный арбитраж в составе арбитра Окладникова, при секретаре-консультанте Паршине, то он, не задумываясь, постановит:

«Взыскать указанную сумму с кредитора в пользу должника». Нелепо? Но ведь 13 апреля этот арбитраж решил

«взыскать с Пушкинского химзавода в пользу Черемховской конторы Востсибкрайснаббыта 1738 руб. 70 коп.»,

а на самом деле эту сумму должна Черемховская контора Пушкинскому химзаводу.

Что можно посоветовать бедным химикам? Не платить? Но арбитраж уже приказывает:

«Привести настоящее решение в принудительное исполнение, списав присужденную сумму с расчетного счета».

По недостаточно проверенным данным античного мифа, царь Крита Пигмалион изваял из мрамора прекрасную Галатею. Отзывы критики об этом скульптурном произведении до нас не дошли, но сам Пигмалион, не отличаясь высоким чувством самокритики, влюбился в свою статую — явление обычное в авторском мире.

Однако статуя в силу материала, из которого она была создана, не отвечала Пигмалиону взаимностью. Она была холодна к нему как мрамор. Пигмалион вошел с ходатайством об оживлении статуи к богине Афродите, каковая такое удовольствие получила. После этого все препятствия к браку были устранены, и в результате счастливого супружества у Пигмалиона родился сын Пафос.

Пафос Пигмалионович сочетал в своей натуре творческую страсть папаша и строительный материал мамаша. Эта двойственность прошла впоследствии через многие произведения мировой литературы.

В комедии Бернарда Шоу «Пигмалион» древний миф извращен. Все происходит шиворот-навыворот.

Пигмалионом называется мистер Хиггинс. Он не царь, а профессор. Он превращает живую, прелестную девушку Элизу в куклу английского великосветского фасона. Не он влюбляется в свое произведение, а произведение влюбляется в автора.

Хиггинс — совершенное дерево в любви, и «статуя» ничего не может поделать со своим «скульптором». Афродита в лице Шоу приходит на помощь Элизе. Профессорское дерево начинает тлеть слабым подобием любви, и комедия заканчивается чахлам благополучием. Рождается дохлый буржуазный английский Пафос.

Таков сатирический смысл комедии. Она густо нафарширована парадоксами, комическими положениями, остроумными фразами.

Новый Пигмалион в образе Московского театра сатиры попытался оживить старую комедию Шоу. Это удалось ему ровно на две трети. Из трех актов два проходят очень живо, актеры играют легко и свободно, публика смеется и довольна. Это успех.

В третьем акте комедия начинает деревенеть, и Театр-Пигмалион тшкетно ее шекочет. Строительный материал берет верх над художниками. Люди из первых двух актов превращаются в кукол. Постановщик Л. М. Кридберг не может оживить их. Это не его вина. Это беда пьесы и театра.

В первых двух актах театр очень хорошо справляется с парадоксами Бернарда Шоу. Он к ним присоединяет и свой собственный: прелестная Элиза (К. В. Пугачева, Н. И. Слонова) влюбляется в лысого и старого мистера Хиггинса (П. Н. Поль). Как это вышло, непонятно. У Шоу мистер Хиггинс наделен обаянием, и хотя он и называет себя старым холостяком, но, по английским понятиям, он совсем не стар. По понятиям советским, он стар по всему своему облику — и внутрен-

нему и внешнему. Любовь Элизы — парадокс.

Во всех комедиях авторы без особого чувства ответственности развязывают узелки интриги в первых актах. Английский узелок не развязывается на советской сцене. И с третьим актом по причинам, не зависящим от театра и актеров, происходит драматургический конфуз, который мы позволяем себе представлять в виде полной драматизма сцены под названием

«ЧТО ЖЕ НАМ ДЕЛАТЬ?»

Полковник Пиккеринг (дерево стоеросовое, не поддается никаким усилиям ни Шоу, ни актера П. А. Голубецкого). Что же нам делать с Элизой? Как закончить комедию?

Шоу (озорной Пигмалион). В чем дело? Она выходит замуж за мистера Хиггинса, покупает ему галстук и рождает золотушного Пафоса. Все в порядке.

Хиггинс (классический старый холостяк). Это невозможно, мистер Шоу, в советской комедии. Девушка из народа, в которой проснулось человеческое достоинство, не может по-мещански стать женой такого классического холостяка, как я. Это унижительно для нее.

Мистрисс Хиггинс (мама профессора из старого мореного дуба. Ее не может оживить артистка Е. Г. Джонсон). Что же делать? Пусть выскажется папа Элизы, мистер Дулитль.

Дулитль (веселый нищий, превратившийся в богатую куклу, но не потерявший природного динизма. Его превосходно играет Ф. Н. Курихин). А мне какое дело? Заварили кашу — сами расхлебывайте.

Пиккеринг (осененный счастливым мыслью). Спросим мистрисс Пирс, нашу разумную экономку. Она знает, что делать в таких положениях.

Мистрисс Пирс (англичанка с двумя бюстами, один спереди, другой сзади. Ее очень хорошо играет Е. Я. Милюткина). Я в третьем акте не участвую. Слава богу, мне думать не о чем.

Все (хором). Что же нам делать?

Бернард Шоу (саркастически). Отдайте ее в лейбористскую партию. Она не родит там никакого Пафоса и будет покупать розовый галстук для вождей партии.

Элиза (мил). Идите к чорту! Это — ваше представление о честной девушке. Я никогда не стану продавать себя! Что же мне делать? Скажите, что мне делать?

Мистрисс Хиггинс. Не знаю (уходит).

Пиккеринг. Не знаю (уходит).

Дулитль. Пойду с горя женьюсь (уходит).

Элиза. Что же мне делать? (Уходит).

Хиггинс. Вот и не вышло у меня Пафоса. Что же мне делать? (Уходит).

Публика. Куда же ушла Элиза? (Уходит).

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Редактор — Мих. КОЛЬЦОВ. Редакция: Л. ЛАГИН, Л. РОВИНСКИЙ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 часов. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва, Изд. № 172

Сдача текста и рисунков 8/V 1938 г.

Подп. к печати 15/V 1938 г.

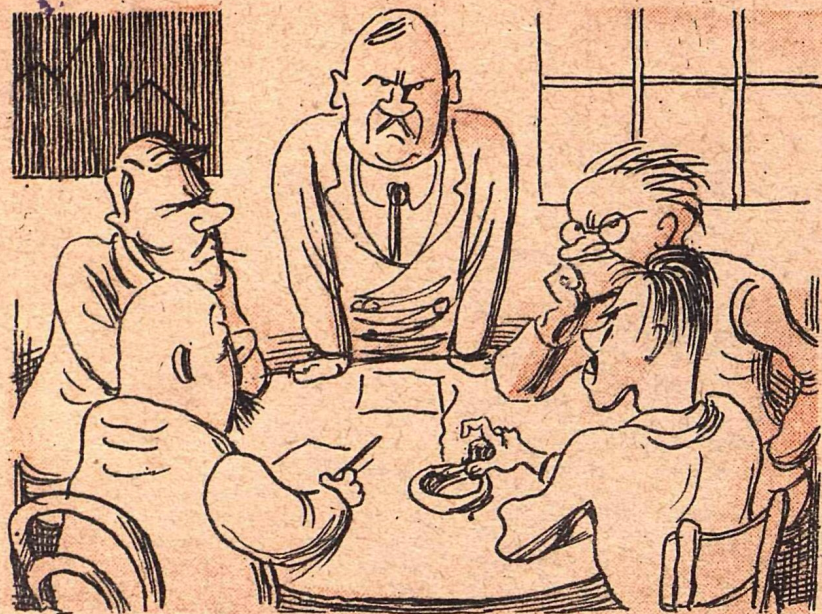
Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

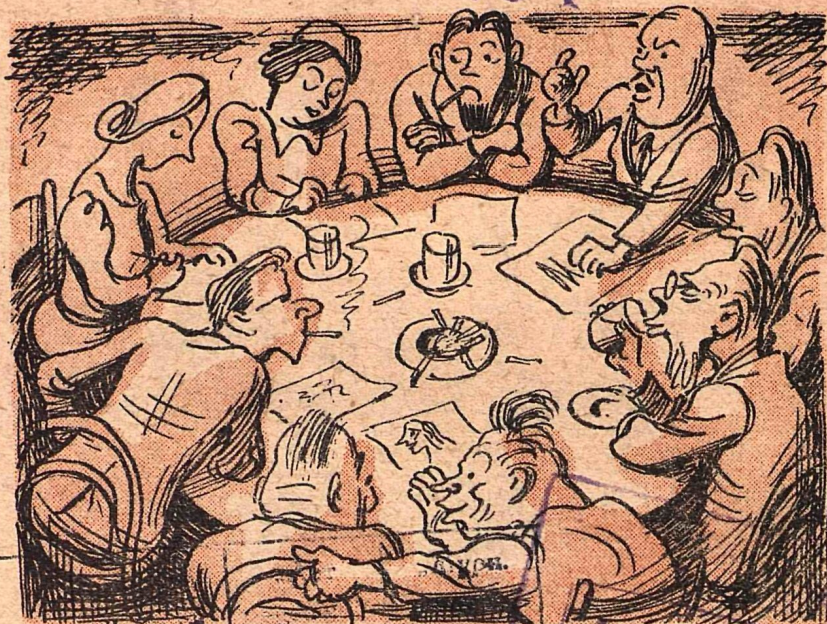
Уполномоченный Главлита В—42359 Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 1149. Тираж 275 000 экз.

Рис. Н. Радлова

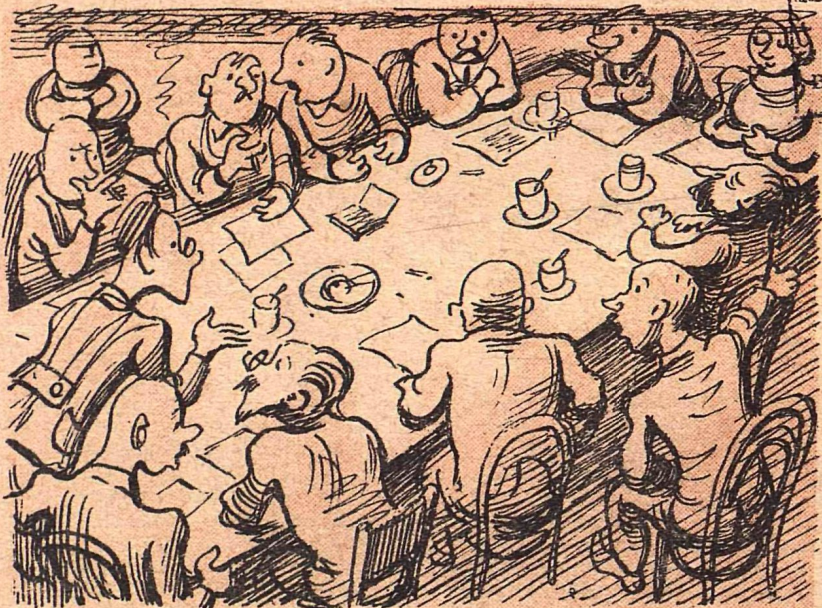
— Марка нашего завода ском-про-ме-ти-ро-ва-на, — сказал директор. — Нужно напрячь все усилия... Стиснув зубы... Не зная отдыха...

Вслед за этим началось деловое совещание

Получ
в ред.

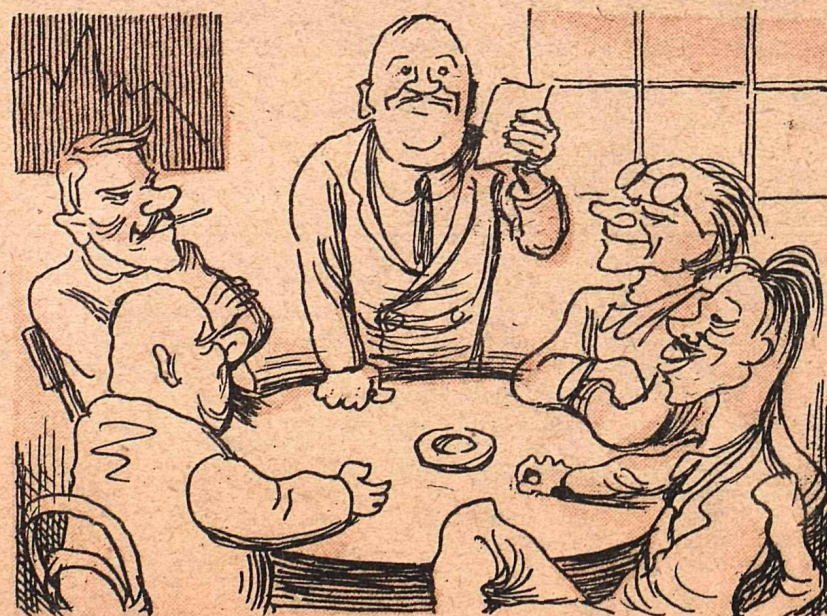
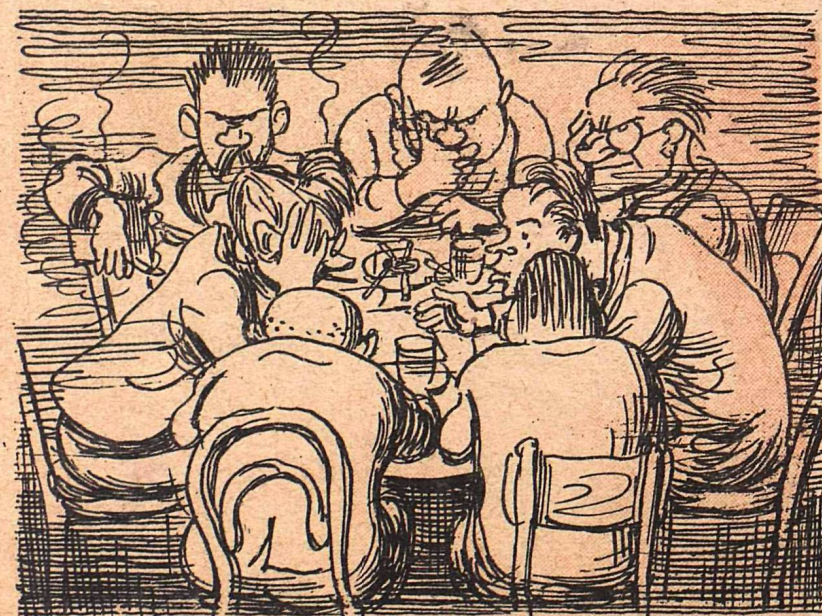
20/2

С дел
в архив

45
9 МАЯ 1938
Всас. Кн. Палат. Поручены

И, наконец, под утро, осененный внезапным вдохновением, поднялся директор: — Есть, товарищи! Найдено! Нужно немедленно, не теряя лишней минуты, заказать художнику рисунок новой марки.